

Чэнь Таотао отозвалась на зов, и они, взявшись под руки, направились к павильону Циу.

Как назло, едва войдя, они увидели, как Ся Цинъюнь придирается к Чэнь Хаохао.

— Чэнь Хаохао, немедленно извинись передо мной!

— Это ты сама на меня налетела, почему я должна извиняться?

— Я сама на тебя налетела? По-твоему, я нарочно врезалась в тебя, сама опрокинула твой горячий чай и сама же вылила его себе на платье?

Чэнь Таотао, видя, как Ся Цинъюнь язвит, про себя выругалась: настоящая злодейка, которая вечно перекладывает вину на других. Краем глаза Ся Цинъюнь заметила вошедших Чэнь Таотао и Сун Цинцян и стала вести себя еще наглее. Бросив Чэнь Хаохао, она подбежала к ним с жалобами:

— Таотао, Цинцян, идите скорее сюда, посмотрите на мой новый шелк с узором облаков — она его испортила!

Чэнь Таотао взглянула: на манжете было лишь крошечное пятнышко от чая. К тому же она прекрасно знала, что Ся Цинъюнь сама налетела на Чэнь Хаохао.

— Это всего лишь платье. Наше поместье Гогун может себе позволить возместить ущерб. Ты закатываешь здесь скандал — чье лицо хочешь опозорить?

Как только эти слова слетели с уст Чэнь Таотао, Ся Цинъюнь, Сун Цинцян и Чэнь Хаохао застыли в изумлении. Никто из них не ожидал, что Чэнь Таотао, всегда дружившая с Ся Цинъюнь, вдруг встанет на сторону той, с кем вечно враждовала.

Не обращая внимания на ошарашенный взгляд Ся Цинъюнь, Чэнь Таотао потянула Чэнь Хаохао и Сун Цинцян за собой. Позади доносились все более отдаляющиеся вопли Ся Цинъюнь:

— Чэнь Таотао, ты всего лишь побочная дочь из поместья Гогун, как ты смеешь давить на меня своим положением...

— Старшая сестра, она...

— Не обращай на нее внимания, пойдем.

Чэнь Таотао слегка улыбнулась ей, думая про себя: какое сейчас время? Через три года Юньчжоу падет, и кому будет дело до твоего происхождения? Все мы станем лишь

пленниками...

Сун Цинцзянь смотрела на невозмутимую Чэнь Таотао с недоверием. Разве Таотао раньше не ненавидела, когда кто-то упоминал, что она рождена наложницей? Почему сегодня она так спокойна? Если это притворство, то она играет слишком хорошо. Или же Таотао изменилась за те несколько месяцев, что они не виделись?

— Я уже говорила, что все, что было раньше, — ошибка, — тихо прошептала Чэнь Таотао, заметив недоумение в глазах подруги так, чтобы слышала только она.

Павильон Циу выходил на озеро Лишуй. Опершись на перила, можно было любоваться озерной гладью и горными пейзажами. Все трое, не обращая внимания на холод, молча смотрели вдаль.

— Старшая сестра, почему ты привела нас сюда? — прервала молчание Чэнь Хаохао.

— Хаохао, если однажды поместья Гогун и всего Тяньшэна не станет, задумывалась ли ты, куда мы пойдем? — внезапно спросила Чэнь Таотао.

— Сестра, почему ты вдруг спрашиваешь об этом? Наш род существует столетиями, как он может исчезнуть? Но если такой день настанет, мне нечего бояться. В мире так много прекрасных гор и рек, зачем мне цепляться за один этот клочок земли?

Глядя на ее стремления и решимость, Чэнь Таотао не могла не восхититься. Не зря она создала эту героиню такой: подобная широта души недоступна обычным девицам из знатных семей.

— Хаохао, запомни свои слова. Если этот день настанет, обязательно будь с тем, кого любишь, и делай то, что хочешь. Здесь не о чем жалеть.

— Я запомню, старшая сестра.

Чэнь Хаохао была довольна нынешней сестрой, которая могла вот так поговорить по душам, хотя и не до конца понимала, к чему были эти слова.

Чэнь Таотао смотрела на эту еще невинную девушку с легкой тревогой. Такая яркая и живая Хаохао не должна погибать вместе с этой династией. Ее жизнь должна расцвести среди этих гор и вод. Если бы она в итоге не полюбила главного героя, ей не пришлось бы ради его спасения отдаваться И Чанъаню, и ее жизнь не закончилась бы так трагично.

Она заслуживает свободы и своих мечтаний. Если она все равно полюбит того человека, пусть хотя бы не будет такой глупой, пусть не жертвует всем ради него, пусть не отдает свою жизнь...

Сейчас она не хотела винить себя за жестокость в конце того сюжета, она просто хотела хоть

немного все изменить. Она не могла и не хотела спасти этот рушащийся Тяньшэн, но разве не могла она изменить судьбу хотя бы одного человека в эту эпоху?

— Ой! О чем вы говорите? Я ничего не понимаю, — прервала ее раздумья Сун Цинцян.

— Пойдемте в дом, здесь холодно. Чэнь Хаохао, помоги старшей сестре, она такая слабая.

— О, хорошо.

Чэнь Хаохао послушно вместе с Сун Цинцян помогла Чэнь Таотао войти внутрь.

Золотые кубки, нефритовые чаши, роскошь, от которой кружится голова. Каждая травинка и каждый камень в павильоне Циу были бесценны. Гости в ослепительных нарядах, слуги, разодетые как небожители... Никто не удивлялся этой сказочной обстановке — они привыкли к подобному. Они лишь украдкой сравнивали: у кого больше слуг, чья горничная красивее, чьи благовония редчайшие, кто завел больше связей среди знати.

Чэнь Таотао посмотрела на Сун Цинцян и спросила:

— Как тебе этот пир?

— Неплохо, только вот его здесь нет.

— Я не спрашиваю, есть ли здесь он. Я спрашиваю, видишь ли ты, насколько здесь все роскошно?

— Таотао, что с тобой сегодня? Ты стала такой же вульгарной, как те женщины, что хвастаются количеством карет и золота в своем доме.

Хм, считает это вульгарным — значит, эту барышню еще можно спасти.

— Но это не просто вульгарность. Посмотри на ту даму в углу: ее платье стоит целое состояние, а сложная вышивка потребовала месяца работы лучших мастериц. А эти жареные гусиные лапки? Знаешь ли ты, что ради них забивают целого гуся, а остальное выбрасывают? Ты все еще считаешь, что это просто вульгарно?

— Не только вульгарно, но и расточительно.

Чэнь Хаохао, стоявшая рядом, ответила за Сун Цинцян.

— Расточительно? Разве мы живем не так? И что в этом плохого? — Сун Цинцян все еще не

понимала, к чему эти двое прицепились к работе вышивальщиц и гусиным лапкам.

— В богатых домах мясо и вино портятся, а на дорогах замерзают насмерть. Старшая сестра, ты хочешь сказать, что мы привыкли к такой жизни, и это наша самая большая проблема?

Чэнь Таотао посмотрела на серьезную Чэнь Хаохао и подумала: эта девчонка действительно умна. Чтобы она не начала размышлять дальше и не связала это с тем, что она говорила ранее, она поспешно сказала, что ей нужно выйти подышать воздухом, и покинула это место раздора.

— Эй, Таотао, куда ты? Я с тобой.

— Цинцян, не надо. Останься здесь, поболтай с Хаохао. Миньюэ, ты тоже не ходи за мной. Успокойся, это же мой дом, неужели я могу потеряться?

— Я? С ней? Болтать? — Сун Цинцян посмотрела на Чэнь Хаохао и с неохотой села.

Наконец-то она вышла! Воздух, пропитанный тленом, вызывал у нее гнетущее чувство. Невозможно было объяснить словами, но, возможно, удача Тяньшэна была исчерпана, и в этом последнем пиршестве сквозило едва уловимое беспокойство.

Пусть Чэнь Хаохао и Сун Цинцян пообщаются — если они подружатся, то в будущем не будут такими одинокими.

Чэнь Таотао спустилась вниз и в одиночестве бродила по снегу, бесцельно оставляя следы, снова и снова. В этот момент приятный мужской голос взволнованно окликнул ее:

— Таотао! Вот ты где! Я так долго тебя искал!

<http://bllate.org/book/18614/1792172>